

И. П. Верба

**Оппозиция «книжное – разговорное» в ранних произведениях А. Н. Островского**

В статье предпринята попытка стилистического анализа лексики ранних произведений А. Н. Островского, относящихся к первому периоду его творчества (1840–1850-е гг.), в частности, анализируется одна из лучших пьес драматурга «Свои люди – сочтемся». Стилистическая характеристика словоупотребления определяется автором статьи с точки зрения складывающейся языковой оппозиции «книжное – разговорное». Речевая (стилистическая) употребительность лексики в пьесе А. Н. Островского характеризуется с позиций научной школы исторической лексикологии и лексикографии Ю. С. Сорокина, которые изложены в проекте Словаря русского языка XVIII в. и отражены в этом Словаре. Пьеса А. Н. Островского «Свои люди – сочтемся» хронологически близка к источникам **Словаря русского языка XVIII в.**, датированным также началом XIX в. В статье рассмотрены средства характеристики речевой употребительности слова, а именно: умеренно представленная, но мастерски поданная в характерологических целях простая, просторечная и простонародная лексика (здесь мы пользуемся системой стилистических помет, разработанной для Словаря русского языка XVIII в.) и элементы «книжности», в основном генетически церковнославянская лексика, в значительной степени воспринимаемая как элемент «разговорности», что, безусловно, свидетельствует об уровне развития литературного языка середины XIX в.

**Ключевые слова:** русский литературный язык, стилистический анализ, книжная лексика, разговорная речь, А. Н. Островский, ранние произведения.

I. P. Verba

**Opposition "Bookish – Colloquial" in A. N. Ostrovsky's Early Works**

In the article an attempt of the stylistic analysis of the lexicon in A. N. Ostrovsky's early works relating to the first period of his creativity (the 1840–1850th) is made, in particular, one of the best plays of the playwright "It's A Family Affair – We'll Settle It Ourselves" is analysed. The stylistic characteristic of the word usage is defined by the author of the article from the point of view of the developing language opposition "bookish – colloquial". Speech (stylistic) common use of the lexicon in A. N. Ostrovsky's play is characterized from positions of the scientific school of historical lexicology and Yu. S. Sorokin's lexicography which are stated in the project of the Dictionary of Russian of the XVIII century and are reflected in this Dictionary. A. N. Ostrovsky's play "It's A Family Affair – We'll Settle It Ourselves" is chronologically close to the sources of the Dictionary of Russian of the XVIII century dated also by the beginning of the XIX century. In the article means of the characteristic of speech common use of the word are considered, in particular: the simple, colloquial and demotic lexicon which is moderately presented, but skillfully given with the characterologic purposes (here we use the system of stylistic marks, developed for the Dictionary of Russian of the XVIII century) and elements of "bookishness", generally genetically Church Slavonic lexicon which substantially is perceived as an element of "colloquialness" that, certainly, it testifies the level of development of the literary language of the middle of the XIX century.

**Keywords:** the Russian literary language, a stylistic analysis, book lexicon, informal conversation, A. N. Ostrovsky, early works.

В. М. Жирмунский называл диалекты социально-историческими образованиями и полагал, что они возникли «в определенных реальных условиях общественной жизни (...) в процессе дифференциации и интеграции, смешения и выравнивания, а также в результате влияния посторонних субстратов, суперстратов и адстратов» [1, с. 3]. Следуя данному широкому определению диалектов, можно соответствующим образом охарактеризовать любой относительно самостоятельный речевой идиом на любом синхронном срезе его развития.

Полагаем, что в своей совокупности речевой массив пьес А. Н. Островского, многообразный по многим параметрам, но единый по социально-речевым и историко-географическим установкам, достоверно отражает русскую языковую ситуацию середины XIX в. Рассматриваемый нами языковой феномен, типичный для среды непривилегированных слоев городского населения, сохранил в качестве своей основной характеризующей черты диалектную составляющую речи большей части тогдашней Руси, проживавшей отнюдь не в городах. Этот «деревенский» компонент городской речи на фоне

живых сельских диалектов можно в известной степени, как кажется, сравнивать с адстратом. В более поздние времена, когда он подвергся ассимилятивным воздействиям других языковых страт и в значительной мере утратил непосредственную связь со своей исконной территорией бытования, в пределах нового литературного языка он превратился как бы в перстрат и стал восприниматься как часть вновь возникшего разговорного стиля, в своем периферийном выражении просторечие (о перстрате см., например, со ссылкой на М. Бартоли [4, с. 17]).

В центре нашего внимания находится характеристика речевой (стилистической) употребительности слов первого периода творчества А. Н. Островского, описываемая нами с позиций научной школы исторической лексикологии и лексикографии Ю. С. Сорокина, отраженных в проекте Словаря русского языка XVIII в. (см. [5]). Статистику речевой употребительности слов в пьесах А. Н. Островского мы проследили по Частотному словарю языка А. Н. Островского [6], являющемуся частью вышедшей в свет в 2012 г. энциклопедии «А. Н. Островский». Частотный словарь показывает

динамику употребления слов в произведениях А. Н. Островского в соответствии с тремя периодами его творчества: 1840–1850-е, 1860-е и 1870–1880-е гг. В силу хронологической близости произведений первого периода к источникам Словаря русского языка XVIII в., датированным и началом XIX в., считаем целесообразным пользоваться для стилистической характеристики словоупотребления ранних произведений А. Н. Островского системой стилистических помет, разработанной для практических нужд составления Словаря русского языка XVIII в. коллективом его авторов под руководством Ю. С. Сорокина.

Для конкретного анализа нами выбрана одна из лучших пьес А. Н. Островского «Свои – люди сочтемся», работа над которой началась еще в 1846 г. (первоначальное название будущей пьесы «Несостоятельный должник», в дальнейшем – «Банкрот»). Действие пьесы относится к началу XIX в.: приказчик Большова Лазарь Елизарыч Подхалюзин служит у него «лет двадцать» и хорошо знает характер Самсона Силыча: «Коли им что попало в голову, уж ничем не выбьешь оттедова. Все равно как в четвертом г. захотели бороду обрить» (действие второе, явление третье). Над своей первой комедией А. Н. Островский «работал тщательно, зачитывая друзьям каждую новую сцену, прислушиваясь к их советам, проверяя каждое слово на выразительность и точность. (...) Еще нигде не опубликованная, комедия стала заметным явлением русской культурной жизни – она была у всех на слуху, о ней говорили, писали в письмах, прославляя еще неизвестного автора» [2, с. 390–391]. Пьеса сразу же получила всеобщее признание, длящееся и до наших дней.

Речь персонажей комедии А. Н. Островского «Свои люди – сочтемся» отличается необычайной выразительностью и многообразием стилистических оттенков. Контекстный массив пьесы содержит и книжную лексику, чаще генетически церковнославянскую, и неославянизмы, и нейтральную в стилистическом отношении лексику, лексику среднего стиля, и лексику определенных социальных групп, местами локально окрашенную, и иноязычную лексику. Равномерная и умеренная дозированность этих средств, естественность и органичность их употребления, ориентированная на соблюдение законов уже возникнувшего нового литературного языка, и обеспечивает, как кажется, удивительную слаженность всего текстового массива произведения и его многолетний успех у публики. Несмотря на далеко не равный социальный статус каждого из персонажей пьесы: купца Большова, его жены «чуть-чуть не паневницы» Аграфены Кондратьевны, их дочери Липочки, приказчика Подхалюзина, свахи Устиньи Наумовны, стряпчего Рисположенского, ключницы Фоминишны, мальчика Тишки, – все они исчерпывающе и с полуслова понимают друг друга, и зритель как бы становится незримым соучастником их общения и до сих пор адекватно воспринимает каждое слово и каждое выражение этого произведения. Значительная часть лексики пьесы стилистически может быть помечена как простая, просторечная и простонародная (здесь мы пользуемся терминологией словарей XVIII в., воспринятой и

составителями Словаря русского языка XVIII в.), которая выделяется на фоне книжной лексики. Последняя, нейтрально-книжная и церковнославянская, хотя и вкладывается в уста «необразованных» персонажей, наряду с нейтрально-разговорной представляет поле общелитературного языка и оттеняет лексику с яркой экспрессией разговорности. Рассмотрим некоторые примеры основных стилистических категорий этих групп лексики.

Выделим лексику книжной традиции в речи персонажей пьесы. Это деловая лексика, общекнижная, но в основном архаизированная или церковнославянская (нередко и нецерковнославянская), представленная по большей части в известных библейских выражениях или извлеченная из них. В окружении лексики со сниженной экспрессией их генетически высокий стилистический тон в лучшем случае заметно снижается, но и нередко нивелируется, приобретая ханжеский характер и комический эффект. Больше всего такой лексики в высказываниях дельцов Большова, Подхалюзина и Рисположенского, есть они и в речи других персонажей. По большей части эту лексику трудно элиминировать из контекста.

**БОЛЬШОВ.** Перевози товар, продавай векселя. Кредиторы и пожалеют. И в рассуждении капитала. Что это ты тут проповедуешь? Что ты, али за святостью взялся? Пора очувствоваться. С вашим дьявольским наущением. Такая воля божия. Что мне эти притчи растолковываешь. Садиться милости просим. Бонапарт Бонапартом, а мы пуще всего надеемся на милосердие божие. Лета наши подвигаются преклонные, здоровье тоже ежеминутно прерывается, и один создатель только ведает. Единственную дочь нашу. **ПОДХАЛЮЗИН.** Объявиться несостоятельным. Изволите говорить. Сюжет обо мне имеете. Вы подвигаетесь к старости. Дама изнеженная. Известное дело. Прилагаю. Положим. Мораль пойдет. Сохрани господи. В добрый час молвить, в худой промолчать, от слова не станется. А ведь враг-то силен, горами шатает. Возьмите в рассуждение. Шутить изволите. Значительный человек. **РИСПОЛОЖЕНСКИЙ.** Небо коптим. А я не ропщу; ропчат грех. Кто ропчет, тот богу противится. Не умею вам сказать доподлинно. Маститый старец. Пойду, говорит, я на распутие: не будет ли чего от доброхотных деятелей. Вот он, матушка, и возроптал. Господи, говорит. Не мздоимец я, не лихоимец. С эскутором. Хотели меня суду предать. С праздником, мол, ваше превосходительство. Поздравить пришел. **УСТИНЬЯ НАУМОВНА.** Уверила, образованная, на разные манеры. Я тебе все отлепORTую. А почему не побеседовать! Пошли, творец. **АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА.** Не енаральская дочь. По христианскому закону всякого накормить следует; и чужих призирают. Вот выживем тебя из дому, словно врага из города. **ФОМИНИШНА.** Изволит жаловать. Греховодница.

В этих контекстах к словам, «генетически связанным с церковнославянским языком (книжнославянским типом языка)», несмотря на их определенную нивелированность и приспособление к стихии

разговорности, по нашему мнению, можно дать основную помету, традиционную «для лексикографических и стилистических описаний XVIII в. (славенское, славянизм)» [5, с. 112]. Они вносят в приводимые тексты определенный оттенок возвышенности и поэтичности: святость; дьявольским наущением; воля божия; мило-сердце божие; создатель только ведает; небо коптим; я не ропщу; роптать грех; кто ропчет, тот богу противится (даже «ропчет» – русифицированный вариант слова «ропщу» – не снимает возвышенного оттенка этого церковнославянизма); распутие; от доброхотных деятелей; возроптал; Господи; не мздоимец я, не лихоимец; суду предать; в рассуждение; чужих призируют и др. Полагаем, что к этим словам уместно дать и уточняющую помету Церк.-слав. (церковнославянское). В Словаре русского языка XVIII в. «помета Церк.-слав. выделяет те слова и выражения, которые восходят к языку церковных книг (библии, прологов и др.) и употребляется в прямых цитатах из этих книг, а в текстах другого рода как очевидные реминисценции» [5, с. 113]. Приведенные выше церковнославянизмы в речи героев пьесы ситуативно значимы и оттеняют, как и стилистически немаркированная разговорная лексика, многочисленные в пьесе приметы народно-разговорного языка, иначе «просторечия». Многие из этих слов можно обозначить пометой Прост. (простое).

Простая лексика связана с разговорным употреблением и отчетливо противопоставлена «соответствующим книжным синонимам». Она лишена «резкой экспрессии сниженного, грубого или фамильярного характера» [5, с. 111].

ЛИПОЧКА. Сидишь, натурально, вся в цветах; человек с понятием; особливо; мило-дорого; формально нет никакой трудности; от необразования; ватрушку скушала; как надобно; краснеть от глупостей; хворать; есть оказия; вот другой манер, кабы я была докторша; пивца хлебнула; налепила тут чудеса в решете. АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА. Коли уж матери не почитаешь; скачешь, как юла какая; поносить родителей; болтушка бестолковая; эко семя противное; словечко пикнешь; бабка-угадка; с дочкой балясничала; кушай, батюшка, на здоровье (о рюмочке водки). ФОМИНИШНА. Больно прытка; не пригоже ли будет. УСТИНЬЯ НАУМОВНА. Лезешь, лезешь, насилу вползешь (о лестнице); покалякаем; как встала, ночевала, все ли жива, бралиянтовая; губы трепать нечево. РИСПОЛОЖЕНСКИЙ. Забегу в сумеречки; ан вот; лежачего не бьют; я бы свинья был. БОЛЬШОВ. Геморрой расхотился; неужели вам потакать, этак вы со кругу сопьетесь; больно знать нужно; наш брат, купец, дурак; все пороги обобьешь; народец; чтобы оглядок не было; всякий норовит, как тебя за ворот ухватить; сделаешь все в аккурате; хоть сейчас из полы в полу да со двора (о сватовстве). ПОДХАЛЮЗИН. Вы, ребята, говорю, не зевайте; взял, говорю, и накинул рубль или два на аршин; мерять надо поестественнее; зазеваются; через руку лишний аршин шмыгнуть; пикни еще; не быть ей за благородным; имено капиталец; девать некуда.

Несомненно, определение стилистического характера лексических черт тут невозможно без учета ярких народно-разговорных грамматических черт.

Как говорится в Проекте Словаря русского языка XVIII в., «в известном отношении к этим пометам (Прост. и Простореч. – И. В.) примыкает помета Простонар. (простонародное)» [5, с. 112]. Для периода XVIII – начала XIX в. «наиболее исторически существенным расслоением в социальном плане было (...) расслоение между словоупотреблением образованных слоев общества (прежде всего дворян) и словоупотреблением большинства представителей непривилегированных сословий, классов и социальных групп (крестьян, дворовых, посадских, мещан, купцов и т. д.) (...) многие слова в лексикографической практике XVIII в. устойчиво оценивались как “простонародные”, то есть характеризующие прежде всего употребление простого народа. В Словаре признается целесообразным использовать эту традиционную помету Простонар. (простонародное) старых словарей для выделения специфических элементов просторечия (не являющихся территориально ограниченными), относящихся преимущественно к речи указанных социальных слоев и в широком плане противостоящих понятию “общепринятости”, “литературности”, “нормативности” языкового выражения» [5, с. 117]. Такими словами изобилует речь многих персонажей пьесы А. Н. Островского «Свои люди – сочтемся»: менее всего Рисположенского, довольно образованного стряпчего, и более всего «домашних» Большова и свахи. Как ни странно, даже «образованная» ЛИПОЧКА, умеющая «по-французски и танцевать», демонстрирует такие образцы «простонародного» языка, яркими и частотными показателями которого являются не только знаменательная лексика, но и служебные слова, местоимения и наречия: али кому на свадьбу; али картинка журнальная; страм какой; упаточилась; как вы были бы. Примеры «простонародности» прослеживаются и в речи других персонажей: АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА. Бесстыдница; не вертись; варварка; болтушка бестолковая; зубоскал; хохришься да разные глупости выколупываешь; беспутная; бесстыжий твой нос; бесстыжие такие глаза; прытче матери; что как пушка на колесах стоишь; таранта Егоровна; худа не пожелает; али. УСТИНЬЯ НАУМОВНА. Женихов-то, что борзых; словно оты малка какая мычуся; отдувайся одна за всех; знакомых по городу, что собак; обзнакомиться; а там обвертим, и вся недолга; авось; анафема хочу быть; белены объелся; с каким я рылом покажусь; всякая тебе лапотница в дворянство норовит; как слон брюхом ползает; пыли в нос пущу; курицын сын; ан врешь; провалиться в татарары, лопнуть на десять частей. ПОДХАЛЮЗИН. Поскорейча; оченно; надать; маненько; на-поди; купоросная душа; потрафь я по них; тятенька, маменька, тетенька; окромя меня; теперича; потому денег нет. ФОМИНИШНА. Дома что ли-ча, Лазарь? БОЛЬШОВ. От одного страма; оттедова; владей, Фаддей, нашей Маланьей; закусить маненько.

Как видим, собственно «простонародная» стихия близка к диалектной речи (особенно в репликах Аграфены Кондратьевны, Липочки, Большова), трудно ее отличить и от собственно просторечной, экспрессивной, но не вульгарно грубой. В. Д. Левин в отношении словоупотребления конца XVIII – начала XIX в. говорил о проблематичности разграничения просторечия и «простонародной» речи. Он подчеркивал, что для этого периода «просторечно то, что специфично для разговорной речи и отличается ее не только от книжного языка, но и от нейтрального “стиля”». Наиболее убедительно оценить отношение его к литературной норме, по его мнению, удалось Ю. С. Сорокину (Здесь В. Д. Левин отсылает читателя к его статье «Просторечие как термин стилистики» (Докл. и сообщ. филол. ин-та ЛГУ, вып. 1. Л. 1949) [3, с. 374]). Речевая партия свахи изобилует разного рода просторечными элементами, в том числе и стилистически маркированными как «простонародные», почти свободна от книжных элементов, что объяснимо спецификой ее профессиональной деятельности и холерическим характером, обуславливающими повышенную экспрессию выражения. В речи каждого персонажа можно обнаружить речевые приметы разных социальных групп, образующие разные стилистические варианты в кругу основных специфических разговорных форм языка (книжное/простое – просторечное – простонародное), наличие локально-речевых примет и элементов заимствований, но выяснение этих дополнительных стилистических явлений стоит за пределами задач данной статьи.

Определим продуктивность некоторых конструктивных элементов рассматриваемых нами наиболее контрастных стилистических категорий в творчестве А. Н. Островского, пользуясь возможностями Частотного словаря языка А. Н. Островского [6].

Книжнославянские. Алчный – 7 (1–3–3); добродушный – 1 (1–0–0); всеведущий – 2 (1–1–0); единственный – 40 (8–6–26); ежеминутно – 1 (1–0–0); лихоимец – 1 (1–0–0); мздоимец – 1 (1–0–0); рассуждение – 20 (8–1–11); роптать – 12 (8–4–0); создатель – 2 (2–0–0).

Простонародные. Ад – 18 (5–7–6); али – 75 (35–24–16), для сравнения см. более продуктивное аль – 154 (28–88–38); балясничать – 3 (2–1–0); варварка – 1 (1–0–0); енаральский – 1 (1–0–0); кабы – 273 (88–82–103), для сравнения см. более частотное если – 1119 (166–353–600), которое встречается и в речи Липочки, но чаще в его значении употребляется кабы; какой ('какой-нибудь' в речи Липочки) – 3556 (1086–974–1496); кушать – 73 (23–18–32); упаточиться – 1 (1–0–0); шмыгнуть – 2 (1–1–0).

Статистический анализ этих примеров показывает относительно малую частотность большинства примеров первой и второй группы и исключительную употребительность многих из них в первый период творчества А. Н. Островского: 1. добродушный, всеведущий, лихоимец, мздоимец, создатель; 2. балясничать, варварка, енаральский, упаточиться, шмыгнуть.

Таким образом, мы видим, что, несмотря на иллюзию полного господства «разговорности» в пьесе «Свои люди – сочтемся», при почти полном отсутствии примет

кодифицированного литературного языка, оказалось, что это не так. На фоне мощного пласта нейтрально-разговорной и нейтрально-книжной лексики среднего стиля выделяются, как мы увидели, умеренно представленные, но мастерски поданные в характерологических целях стилистические «сигналы» разговорности в виде простой, просторечной и простонародной лексики и элементы «книжности», в основном генетически церковнославянской, но в значительной степени «оразговоренной». Все эти средства характеристики употребительности слова в пьесе А. Н. Островского «Свои люди – сочтемся», которые свидетельствуют об уровне развития литературного языка на основе «среднего штиля», пропорциональном соотношении элементов «книжности» и «разговорности», наиболее очевидным способом выявляются при помощи методов стилистического анализа лексики литературного языка, предложенного Ю. С. Сорокиным и реализованного в Словаре русского языка XVIII в. его составителями.

#### Библиографический список

1. Жирмунский, В. М. Проблемы переселенческой диалектологии [Текст] / В. М. Жирмунский // Общее и германское языкознание. – Л.: Наука, 1976. – С. 491–516.
2. Журавлева, А. И. Свои люди – сочтемся! [Текст] / А. И. Журавлева, И. А. Овчинина // А. Н. Островский. Энциклопедия / гл. ред. и сост. И. А. Овчинина. – Кострома: Костромаиздат; Шуя: Изд-во ФГБОУ ВПО «ШГПУ», 2012. – С. 390–394.
3. Левин, В. Д. Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII – начала XIX в. (лексика) [Текст] / В. Д. Левин. – М.: Наука, 1964. – 407 с.
4. Мызников, С. А. Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада [Текст] / С. А. Мызников. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Наука, 2007. – 396 с.
5. Словарь русского языка XVIII века [Текст]: проект / отв. ред. Ю. С. Сорокин. – Л.: Наука, 1977. – 164 с.
6. Частотный словарь языка А. Н. Островского [Текст] / под ред. Н. С. Ганцовской // А. Н. Островский. Энциклопедия / гл. ред. и сост. И. А. Овчинина. – Кострома: Костромаиздат; Шуя: Изд-во ФГБОУ ВПО «ШГПУ», 2012. – С. 530–658.

#### Bibliograficheski spisok

1. Zhirmunskij, V. M. Problemy pereselencheskoj dialektologii [Tekst] / V. M. Zhirmunskij // Obshhee i germanskoe jazykoznanie. – L.: Nauka, 1976. – S. 491–516.
2. Zhuravleva, A. I. Svoi ljudi – sochtemsj! [Tekst] / A. I. Zhuravleva, I. A. Ovchinina // A. N. Ostrovskij. Jenciklopedija / gl. red. i sost. I. A. Ovchinina. – Kostroma: Kostromaizdat; Shuja: Izd-vo FGBOU VPO «ShGPU», 2012. – S. 390–394.
3. Levin, V. D. Oчерk stilistiki russkogo literaturnogo jazyka konca XVIII – nachala XIX v. (leksika) [Tekst] / V. D. Levin. – M.: Nauka, 1964. – 407 s.
4. Myznikov, S. A. Atlas substratnoj i zaimstvovannoj leksiki russkih govorov Severo-Zapada [Tekst] / S. A. Myznikov. – 2-e izd., ispr. i dop. – SPb.: Nauka, 2007. – 396 s.
5. Slovar' russkogo jazyka XVIII veka [Tekst]: proekt / otv. red. Ju. S. Sorokin. – L.: Nauka, 1977. – 164 s.
6. Chastotnyj slovar' jazyka A. N. Ostrovskogo [Tekst] / pod red. N. S. Gancovskoj // A. N. Ostrovskij. Jenciklopedija / gl. red. i sost. I. A. Ovchinina. – Kostroma: Kostromaizdat; Shuja: Izd-vo FGBOU VPO «ShGPU», 2012. – S. 530–658.